

лись следствием его участия в религиозно-общественном движении. Мучительные переживания Епифания, вызванные тяжелыми ударами действительности, не только приводили его к решительному осуждению царя и официальной церкви, но даже к сомнению в божественной справедливости.¹¹ Но такие сомнения, несовместимые с мировоззрением и положением Епифания, тут же вызвали его раскаяние и старательно опровергались. Епифаний не допускал признания трагической неразрешимости жизненных противоречий, и прерогатива их всегда благополучных решений предоставлялась им небесным силам, а причины их возникновения относились к силам бесовским. Мировоззрение его было оптимистичным, но это был типичный христианский оптимизм средневекового подвижника.

Все переживания Епифания, возникая в мире реальном, находили свое развитие и завершение в мире воображаемом. Но сам этот воображаемый мир, населенный, по мнению автора, потусторонними существами, представлялся ему как мир вполне реальный. Он обретал в его сознании видимость материальной жизни и выступал в житии по отношению к изображению действительной жизни автора не только как компонент равноправный, но даже — преобладающий и, главное, гораздо более значительный. Переходом в этот «иной» мир служил сон, а литературное изображение сна было тем условием, которое позволяло, не нарушая внешней достоверности повествования, конкретно описывать этот фантастический мир. Содержание изображаемых сновидений и кошмаров, сделавшись предметом автобиографического рассказа, не могло быть случайным. Оно формировалось автором по определенному плану и облекалось в определенные формы, давно уже заготовленные агиографической традицией. Именно поэтому такое автобиографическое описание сновидений, как видений и чудес, могло сделаться литературным средством поучительного изображения внутренней жизни автора.

Разработанный Епифанием метод изображения собственной внутренней жизни по своему характеру и происхождению глубоко уходил в почву древнерусских христианских представлений и литературных традиций. По этим представлениям, подлинному подвижнику должно было быть свойственно как бы двойное видение мира: обычное наблюдение над окружающей жизнью и особое провидение, умение проникать во внутренний смысл событий. Это воззрение отчетливо проявляется в житийной литературе, когда святой сам объясняет своим ученикам существенную разницу между ним и ими в умении различать за внешними событиями жизни некие предвечные явления. В житии Варлаама Хутынского, например, рассказывается о том, как Варлаам спас человека, осужденного на казнь, но отказался помочь другому осужденному, который и был казнен. Варлаам сказал монахам, что спасенный им человек был преступником, он раскаялся, и ему следовало сохранить жизнь с тем, чтобы он мог достойно продолжать ее в монастыре. Казненный же человек был невиновен, но спасти его не следовало, так как ему, как мученику, был уже уготован венец самим Христом. Почему же это справедливое с точки зрения средневекового сознания решение не было сразу понято монахами? Варлаам объясняет: «...вы убо внешними очима зряще, внешняя и судите. Аз же сердечными очима смотря...».¹² Пафнутий Боровский одновременно пользовался обоими способами созерцания: «възре душевным оком на братию, а чувственным на образ владычень... исполни очи слез, въздох-

¹¹ Эти вопросы анализируются во второй части нашей работы.

¹² Житие Варлаама Хутынского. — ОЛДП, XLI. СПб., 1881, стр. 13.